

Гусар

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!
Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.
Здесь на тебя как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.
То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином хоть пару поддавай,
А молодицы-молoduшки!
Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки чернобровой.
Одним, одним не хороши...
А чем же? Расскажи, служивый.
Он стал крутить свой длинный ус
И начал: Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.
Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка!
Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибью Марусинька моя
Словечка не промолвит грубо;
Напьюсь уложит, и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну бывало: Эй, кума!
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись: о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно;
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал, видно.
Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов? кто просит?
Шалит Марусенька моя;
Куда ее лукавый носит?
Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря),
И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула
И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,
Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу и улизнула.
Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..
И с печки слез и вижу: склянка.
Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!
Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой
Как фыркнет он! я: брысь!.. И вот
И он туда же за лоханкой.
Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И всё: горшки, скамьи, столы,

Марш! марш! все в печку поскакало.
Кой чорт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил; верь не верь
Но кверху вдруг взвился я пухом.
Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей!.. и наземь упадаю.
Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.
Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
Домой! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят! Но я, не струся:
Домой? да! черта с два! почему
Мне знать дорогу? Ах, он странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный.
Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?
Коня! На, дурень, вот и конь.
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.
Садись. Вот сел я на коня,
Ищу уздечки, нет уздечки.
Как взвился, как понес меня
И очутились мы у печки.
Гляжу: всё так же; сам же я
Сажу верхом, и подо мною
Не конь а старая скамья:
Вот что случается порою.
И стал крутить он длинный ус,
Прибавя: Молвить без обиды,

Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.